

XVIII ВСЕМИРНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС: «МОСТЫ, СОЕДИНЯЮЩИЕ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ РАСКОЛЫ СОЦИОЛОГИИ РАДИ БОЛЕЕ РАВНОГО МИРА»*

XVIII Всемирный социологический конгресс проходил под девизом «Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии». На первый взгляд, может показаться, что проблематика социального неравенства, которой так много внимания уделяли классики социологии, представители Франкфуртской школы, феминизма, исследователи расовых отношений, уже достаточно основательно изучена, апробирован широкий и эффективный теоретико-методологический инструментарий ее исследования. Стоило ли данную проблематику вообще выносить в качестве стержневой темы на столь представительный форум? Ведь есть много других актуальных проблем, от решения которых зависит не только характер будущего, но и существование человечества. Убежден, что *стоило*, разумеется, с учетом того ракурса предложенной инновационной тематики сессий исследовательских комитетов и рабочих групп, которую выработали программные организаторы конгресса. Они выдвинули в центр научных дискуссий собственно *современные социокультурные неравенства*, имея в виду, что они становятся иными, более сложными, чем были даже несколько десятилетий назад. Их побочные эффекты не ограничиваются локальным пространственно-временным контекстом, а, как правило, выходят за национальные рамки, имеют глобальный характер.

Оргкомитет присудил высшую награду конгресса Иммануилу Валлерстайну, президенту Международной социологической ассоциации (1994–1998), за его выдающийся вклад в раскрытие проблем глобальных неравенств, создание теории мировых систем, что нашло отражение в многочисленных трудах, многие из которых изданы в России. Отмечу лишь некоторые из них: «Миросистемный анализ»¹; «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире»²; «Изобретения реальностей Времени – Пространства: к пониманию наших исторических систем»³; «Конец знакомого мира: Социология XXI века»⁴.

Отмечу пятнадцать *новых реалий глобальных неравенств*, которые мне показались наиболее значимыми.

1. *Человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира.* Не просто *количественно увеличивается разрыв* в доходах и благосостоянии между богатыми и бедными, который, как известно, флуктуирует в культурном и временном контексте, а *качественно* и по *нарастающей тенденции* ухудшаются жизненные шансы, стили жизни миллионов людей. И это на фоне величайших достижений науки и техники, развития информационных технологий, практически повсеместного распространения интернета и беспроводного телефона, которые потенциально могли бы быть использованы для гуманизации социальных отношений, минимизации социальных неравенств. Как отметила Р. Соса, вице-президент, курирующая вопросы программы конгресса, это проблема не отдельных стран – каждый седьмой человек из десяти человек планеты живет в странах, в которых экономическое неравенство за последние 30 лет увеличилось; в современном мире половина мирового благосостояния находится в руках 1 % населения; на-

* Благодарим редакцию журнала «Социологические исследования» за предоставленный материал.

считывается не менее 774 млн неграмотных взрослых, а 162 млн детей страдают от задержки роста. Но самое главное – ныне отмечается рост факторов, способствующих производству, распространению и усложнению неравенства, которое «усугубляется расизмом, дискриминацией, насилием, миграцией, войной, природными бедствиями, инвайронментальным загрязнением, климатическим изменением, неумеренным разрушением и/или добычей природных ресурсов, фактором гендера, возраста, инвалидности, коллективной или индивидуальной идентичности, обусловленной этническими или религиозными особенностями или сексуальной ориентацией и даже невозможностью реального участия в принятии коллективных решений»⁵. Эта тема многогранности и сложности современного неравенства была вынесена на две президентские сессии: «Сталкиваясь с неравным миром» и «Альтернативы неравному миру». Ей же были посвящены пленарные сессии: «Конфигурации структурных неравенств» (руководитель – российский социолог Е. Здравомыслова); «Концепции справедливости в контексте различных исторических и культурных традиций»; «Производство и практика неравенства»; «Социальные ущербы от неравенств»; «Преодоление неравенств: акторы и опыт» и др.

Кроме того, весьма представительным был профильный исследовательский комитет «Социология бедности, благосостояния и социальной политики», на котором рассматривались конкретные проблемы неравенства, порождаемые ущербностью принципов глобализирующейся неолиберальной биополитики, основанной на формальном рационализме, прагматизме и меркантилизме. Она разделяет людей по политически заданной «нормативности», что З. Бауман выразил посредством *метафоры садовника* – эффекта, обусловленного стремлением людей к постоянной рационализации и совершенству, оборачивающегося ненамеренными, побочными последствиями: «Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится». Во имя гармонии «сорняки» (социальные группы риска) оказываются вне «нормы», своего рода «отходами», что латентно воспроизводит противостояние «врагов» и «друзей»⁶.

2. *Неравенство между возможностями влияния глобальной, по существу западной культуры, и национальными культурами.* При всех объединяющих человечество достоинствах глобальной культуры в ней есть существенные побочные эффекты, подрывающие или умаляющие ценности локальных культур. Вот лишь три из них. В исследовательском комитете «Социология коммуникаций, знания и культуры» поднимались проблемы критики потребительской культуры, способствующей посредством символического насилия утверждению новых форм отчуждения. Участники комитета «Социология образования» озаботились проблемами новых вызовов национальным системам образования, которые примитивизируются, а сами неравенства в образовании производятся не только явными, но и латентными факторами. Учитывая это, японский социолог М. Тендо выступил с докладом на интересную тему – «Невидимые неравенства в обучении». Макдональдизированные учебные программы и практики, являющиеся значительной частью глобальной культуры, также латентно, невидимо способствуют свертыванию креативных форм образования.

Примечательно, к конгрессу Дж. Ритцер выпустил 20-е, обновленное и переработанное издание книги «Макдональдизированное общество», в которой отмечается «частая неразумность» рациональных систем, что особенно относится к обучению студентов в *Макуниверситетах* и *Макколледжах*. Большие лекционные потоки, использование технологий без человеческого фактора для контроля за знаниями учащихся, минимальные контакты между преподавателями и учащимися, дистанционное обучение – все это неизбежно воспроизводит иррациональную рациональность и социальные практики, умаляющие ценность человека как личность. «Студенты могут чувствовать себя почти как объекты, в которые вливается знание по мере того, как они движутся по образовательной конвейерной линии, обеспечивающей их информацией и выдающий диплом»⁷. Их знания не просто отличны от компетенции студентов элитных учебных заведений – воспроизводится интеллектуальное неравенство специалистов, имеющих формально равноправные дипломы.

Но, пожалуй, более всего дисфункциональное влияние глобальной культуры проявляется в ее «текучем» характере по отношению к достаточно «жестким» цен-

ностям и нормам национальных культур. Через интернет, минуя национальные культурные барьеры, в страны проникают идеи, образы, информация как легального, так и нелегального содержания (детская порнография, культура насилия и т. д.). Их «текущий» контент, распространяющийся в виртуальном пространстве, отнюдь не означает слабость влияния на общественное сознание. Более того, в силу этой «текучей» особенности в локальные культуры легче проникают формы девиации и преступности, не имеющие корней в национальной среде. Об особенностях девиации в нашей стране речь шла в докладе Я. Гилинского из Санкт-Петербурга «Социология девиации и социального контроля (девиантология) в России».

3. *Неравенства, обусловленные динамикой распределения рисков.* Специальную сессию на эту тему провел У. Бек, автор теорий «Общества риска» и «Мирового общества риска», который представил многочисленным слушателям показал свое видение процессов усложнения риска и их «ненамеренные побочные последствия» для жизни людей. Согласно теории «Общества риска» если в индустриальном обществе люди были ориентированы на обретение *благополучия*, то в обществе риски – на *избежание риска*, что образует квинтэссенцию социального неравенства: внизу социальной лестницы в первом случае оказываются группы и индивиды, озабоченные *бедностью*, а во втором – *беспокойством* относительно возможных бедствий. Причем если блага обеспечивали относительную социальную стабильность, то беспокойства весьма динамичны, могут в силу эффекта бумеранга легко переходить от риск-потребителей к риск-производителям. И все же данные неравенства были *ограничены*, хотя и с определенными допущениями, конкретным *обществом*. Но динамика социума и соответственно рисков, их сущности, столь велика, что ныне мы уже имеем дело, по существу, с иными – *глобальными, мировыми* реалиями риска. В результате, считает социолог, необходимо «переоткрыть социальное неравенство в глобализирующемся мире», ибо ныне «мы все оказываемся в одной лодке», классовые, статусные, национальные различия теряют смысл, заменяются различиями в отношении рисков и беспокойств, что социолог обозначает как «*новое социальное неравенство*»⁸. Ученый подчеркивает, что «категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает *общество риска*». Это, по его словам, обусловило «введение и развитие целых серий концептуальных инноваций»⁹. По Беку, то, что выводит *мировое общество риска* за пределы *общества риска*, «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть *инсценирование реальности* [англ. – *staging of reality*; нем. – *Realitätsinszenierung*] глобального риска...». «Инсценирование» здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения «нереальных» рисков. Разница между риском как ожидаемой катастрофой и реальной катастрофой заставляет нас воспринять роль инсценирования серьезно. Ибо только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время»¹⁰. Из этого, во-первых, следует, что «теория мирового общества риска обосновывает различие между старыми и новыми рисками». Последние обладают тремя характерными чертами: 1) они «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством);

2) «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии);

3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием)¹¹. Во-вторых, в отличие от общества риска, в условиях мирового общества риска, по существу, «стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значения, живем ли мы в мире, который «объективно» более безопасен, чем тот, который был ранее – *инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие*»¹². И в-третьих, что имеет прямое отношение к формированию принципиально нового неравенства: на вершине социальной лестницы оказываются те, кто имеет возможность *инсценировать* риск, *конструировать* и *определять его смысл*. Как заявляет Бек, то, что отношения производства в капиталистическом обществе представляли для Карла Маркса, то *отношения*

определения риска представляют сегодня: «Отношения определения» основываются на контроле над «средствами определения», над научными и легальными правилами. Здесь аналогично существуют «собственники средств определения» – конкретно, ученые и эксперты – и граждане «лишенные средств определения», которые имеют зависимый статус «простых людей» и которые подвержены власти определения и выбора экспертов, решающих от имени всех»¹³. Естественно, инсценированные риски могут как иметь под собой объективные основания, так и нет (социолог приводит пример инсценированных рисков наличия оружия массового поражения у Ирака).

4. *Неравенства по отношению к уязвимостям.* До конгресса в социологической литературе, доступной мне, я встречался с основной трактовкой уязвимости как потенциально возможным бедствием и катастрофой, обусловленными *современной* деятельностью человека по созданию особо *сложных* технологических систем, которые могут как бы проявлять свою собственную «волю», деструктивную для общества рефлексивность. Так, американский социолог Ч. Перроу интерпретирует уязвимости через призму своей теории «нормальных аварий», показав, что причинами современных катастроф могут быть не только внешние, но и *внутренние факторы*, обусловленные *естественным (нормальным)* взаимодействием человека со *сложными* системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимновлияющие друг на друга неудачи становятся системно неизбежными»¹⁴. В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что потенциал уязвимостей увеличивается и потому стоит вообще отказаться от сложных систем: «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны, нам не следует рисковать»¹⁵. При этом социолог особо подчеркнул связь уязвимостей с социальным неравенством, ныне усиливающимся «в силу изменений в распределении доходов»¹⁶, из чего следует, что вероятность современных катастроф выше там, где сложные технологические системы соседствуют с социально-экономической депривацией.

Конгресс показал, что социологическая общественность активно приняла идеи уязвимости, которые получают все более широкую трактовку. Так, на одной из сессий анализировались уязвимости молодежи в контексте потенциальных дисфункциональностей в сферах образования и будущего трудоустройства. Под эгидой исследовательского комитета «Социология бедствий» был организован ряд сессий, на которых, в частности, обсуждались следующие проблемы: «Города как социоэкологические места: глобальные риски и локальные уязвимости», «Социально уязвимые группы населения», «Уменьшение уязвимости посредством экосистемного подхода».

Мне довелось руководить рабочей группой «Уязвимости и нормальные аварии в локо-глобальных отношениях». К моему и участников группы приятному удивлению, к нам пришел патриарх американской социологии Э. А. Тирикьян, ученик П. Сорокина и Т. Парсонса, создатель парадигмы социологического экзистенциализма, через призму которой ныне исследует уязвимости современных цивилизаций. По нашей просьбе, вне повестки дня им, по существу, был сделан доклад об истории зарождения проблематики уязвимости. С его слов, пионером исследования уязвимостей был П. А. Сорокин, который еще в 1940-е гг. использовал данное понятие для обозначения «утопической ментальности», сформированной СМИ, которые муссировали, особое внимание уделяли подаче «плохих новостей», вносящих агрессию в общественное сознание, таких как сообщения о преступлениях, насилиях, бедствиях и катастрофах. Как считал П. А. Сорокин, утопическая ментальность представляла реальную уязвимость для культуры, ибо раскалывало общество в континууме «добро – зло», усиливая позиции негативного и соответственно ослабляя позитивный полюс общества. Средством преодоления и минимизации утопической ментальности социолог видел в формировании «хорошего соседства» как на микро-, так и на макроуровне, основной функцией которого

являлось бы формирование жизнеутверждающих ценностей и, прежде всего, не-эгоистической любви. Э. А. Тирикьян обещал прислать статью, посвященную работам П. А. Сорокина по проблематике уязвимости. Сам же он ныне проявляет интерес прежде всего к уязвимостям, порожденным существующим характером взаимодействия цивилизаций.

5. *Уязвимости межкультурного взаимодействия: новые неравенства между Севером и Югом.* В продолжении своего выступления Э. А. Тирикьян отметил, что в глобальную эру взаимодействие цивилизаций обретает все большую сложность, на что еще накладываются проблемы их отношений с природной средой. Соответственно, будущее той или иной цивилизации зависит не только от результатов соперничества друг с другом – прослеживается рельефно выраженная тенденция стремления к доминированию цивилизаций Севера над Югом, что конкретно проявляется в сохранении «старых» и образовании новых неравенств и зависимостей, но и от формирования отношений с природой. Результатом этого цивилизационного соперничества в контексте их диалога с природой, считает социолог, возможны три сценария будущего. Первый – под влиянием глобализации увеличивается взаимозависимость в современном мире, что может привести к образованию единой цивилизации, ценностное содержание которой будет более или менее адекватно реалиям второго, рефлексивного модерна. Второй – образование ряда цивилизаций, выходящих за пределы границ своей исторической среды в силу того, что формируются новые ценности под влиянием нынешних потоков людей, капиталов, технологий. Третий – глобальная катастрофа, частично рукотворная, которая может свести глобальную эру к «маломасштабным обществам», утрачивающим цивилизационные качества.

6. *Неравенства инвайронментального характера.* Эти новые неравенства обусловлены изменением статуса природы, которая обретает *социетальный* характер, в значительной степени становится рукотворной. Данные процессы, по существу, разделили людей на тех, кто живет в «экологически дружественной» среде, и тех, кто вынужден жить в местах экологически опасных для здоровья человека. В большинстве случаев эти места ранее были вполне пригодны для жизни людей, но экологически изменились под влиянием побочных эффектов человеческой деятельности. Пожалуй, этот тип новых неравенств привлек к себе самую большую группу участников конгресса (даже на круглом столе по образованию затрагивались эти проблемы). Неслучайно ученые из исследовательского комитета «Инвайронмент и общества» организовали как самостоятельные, так и совместные сессии с другими комитетами. В центре их внимания были следующие конкретные проблемы: «Пост-Фукусима как антиядерное движение»; «Природы, подвергшиеся насилию»; «Социологические подходы к климатическому изменению: американский реализм и прагматизм в противоположность европейскому конструктивизму и агностицизму»; «Конец инвайронментальному национальному государству?»; «Отходы в современном мире»; «Нормальные отходы»; «Инвайронментал риск и управление»; «Климат и/как социальное» и многие другие. Замечу, Дж. Ханниган выпустил к конгрессу новое издание книги «Инвайронментальная социология»¹⁷.

7. *Неравенства по отношению к здоровой пище.* Ныне проблемы экологически чистой, здоровой еды стали вызовом практически для каждого человека. Сегодня они обрели *глобальный характер*, выступают мощным фактором политической власти, являются важнейшим компонентом гео- и биополитики. Данная проблематика была не только в центре внимания профильного исследовательского комитета «Социология сельского хозяйства и еды», но и других комитетов и рабочих групп, в частности «Социологии бедствий». Участники дискуссий отметили, что возникший глобальный агробизнес посредством создания сетевых потоков продуктов питания привнес новые неравенства в производство еды во взаимозависимом мире: Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать, что объективно ущемляет традиционное производство. Но главное – традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» генно-модифицированными культурами. В связи с этим социологи особое внимание уделили обсуждению проблем «альтернативных практик производства еды на глобальном Юге», проведя три сессии. Но еще больше внимания было уделено проблеме «продовольственной безопасности» в различных регионах мира – состоялось пять сессий. Для ряда исследователей данная проблема сводилась не только к здоровому

питанию, потреблению «экологически дружественных продуктов» и запрещению/ограничению генно-модифицированной еды, но и к «голоду и бедности», «продовольственной независимости», «поддержке домашнего производства», «защите почвы» от колонизации, «инфраструктурным уязвимостям», «влиянию рыночных сил», «образованию фермеров» и др.

8. *Неравенства в формирующихся гражданских обществах.* Это действительно вновь возникающие неравенства, ибо речь идет о странах, в частности России, в которых в силу разных исторических причин гражданские общества находятся лишь в стадии формирования. С докладом на эту тему «Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики» выступил академик РАН М. К. Горшков, проанализировавший возникновение новых демократических ценностей, отношение к которым разделило общество. По его мнению, возникшие при этом неравенства следует интерпретировать в контексте двух основных факторов – сложившихся исторических реалий и модели идеального типа как потенциально возможного будущего нашего гражданского общества, которая вберет в себя не только достижения западной, но и всех культур мира, включая культуру Японии и Востока в целом, главное, чтобы они были адекватны ментальности россиян, нашим национальным традициям. Это и есть тот путь, который позволит преодолеть и минимизировать нынешние неравенства в формирующихся гражданских обществах.

9. *Неравенства в глобальных социальных сетях,* возникшие на рубеже столетий. Еще М. Кастельс показал, что неравенства *имманентно присущи* социальным сетям, ибо их распространение «крайне неравномерно и на планете, и внутри стран»; при этом повсюду и любой их участник подвержен «инклюзии и эксклюзии одновременно, варьирующихся для каждого общества, что зависит от институтов, политики и политической практики»¹⁸. В силу данного обстоятельства глобальные социальные сети самого разного толка воспроизводят экономические, политические, культурные неравенства и несправедливости. Практически невозможно как-либо влиять на них, не будучи их участником. Ответом на эти неравенства, как правило, становится появление новых сетей в виде новых политических и социальных движений. Лишь за последние четыре года, как отметил М. Буравой, возникли движения типа «Арабской весны», «окупируй», равно как инвайронменталистские, женские, рабочие и студенческие, а также реакционные движения националистического и ксенофобского толка¹⁹.

10. Особо отмечу *неравенства в интернете.* На первый взгляд, интернет представляет собой самую открытую и демократичную социальную сеть – практически любой индивидуальный или коллективный актор может стать членом одного и того же виртуального сообщества. Однако *явные* неравенства возникают в различных возможностях производить и распространять информацию, и что особенно значимо – задавать ей *определенные смыслы*, касающиеся как видения политических реалий, так и нашей повседневной жизни. Интересным было выступление С. Зибланд из Великобритании «Как интернет трансформирует практики здоровья». Социологи из Португалии Б. Барбоса Невес и Ф. Амаро показали, что интернету свойствен эффект Матфея – по Р. Мертону. Работы, опубликованные признанными учеными, имеют большее общественное признание, их цитируют чаще, чем, например, аналогичные работы других исследователей, что, по существу, свидетельствует о партикуляризме в научной среде, а ныне и в виртуальном пространстве²⁰. Соответственно, возникают доминирующие и доминируемые неравенства в сфере производства символического капитала в интернете. При этом стираются различия между адекватными объективным реалиям смыслами и теми, которые, по существу, представляют симулякры. Об этом речь шла в докладе бразильского социолога С. Вианы «Реальные фантазии». Есть и *латентные* неравенства интернета, в частности проявляющиеся в реальной возможности определенных институциональных структур осуществлять надзор не только за контентом информации, но и за личными данными пользователей. К *становящимся латентными неравенствам* на микроуровне я бы отнес несоответствия между виртуальными и реальными идентификациями – блогеры с множеством виртуальных «друзей» в реальной жизни могут быть одиночками.

11. *Неравенства, versus, различия.* На мой взгляд, организаторы конгресса поступили совершенно правильно, включив в повестку дня ряд докладов о *различиях* современного глобализирующегося мира, которые ныне обретают актуаль-

ность, становятся все более рельефно видимыми, но, строго говоря, их *нельзя отнести к социальным неравенствам*. Пример тому, *различия в социальном времени*. Были организованы две сессии «Время и общество», на которых сделаны следующие интересные доклады: О. Кивинен (Финляндия) «К социологическому пониманию эволюции времени в человеческом развитии»; У. Мейер (Германия) «Современные времена: как организационные временные структуры влияют на общество»; Л. Чартон (Канада) «Биологическое время, социальное время: в обосновании концепции “биосоциологического времени”». Месте с тем хочу поделиться личным опытом культурной обусловленности биологического и социального времени. Участвуя в работе еще XVI Всемирного социологического конгресса в ЮАР (Дурбан, 2006 г.), я впервые стал свидетелем того, что люди могут жить в ином социальном времени, чем на Западе. Я был поражен тем, как африканцы, многие из которых мигрировали в ЮАР из других стран, спасаясь от вооруженных конфликтов и просто ради лучшей жизни, реагировали на мой вопрос: «Откуда они приехали?». Ответы были примерно такие: «пять дней», «десять дней». При этом нельзя было не обратить внимания на то, что, как правило, они никуда не торопились: «кучковались» около лавки, куда заходили редкие посетители, кто-то сидел на корточках, кто-то вообще спал; во время остановки нашего экскурсионного автобуса я наблюдал в небольшом отдалении примитивную хижину, хозяин которой терпеливо ждал, когда его две-три курицы снесут яйцо. И никакой спешки: желания, действия, потребности людей в основном определялись биологическим временем. Тогда мне показалось, что это рудименты «примитивности», «отсталости» африканского социального времени вообще. В Йокогаме я понял, что ошибался – *каждое социальное время весьма различно*. Ежедневное японское чаепитие, организованное для участников конгресса, визуально демонстрировало «расширение» времени, почти его «остановку». Признаюсь, я еле-еле «высидел» эту действительно приятную процедуру. Вместе с тем в отличие от африканского в японском социальной времени присутствовали компоненты эффективности и строгой калькулируемости. Для меня было поразительно странным, когда сверхвежливая официантка, обслуживавшая меня в японском национальном ресторане, расположенном в гостинице конгресс-центра, заранее предупреждала об окончании времени моего приема пищи (это было как минимум трижды!) – далее работники ресторана уже в закрытом для посетителей режиме осуществляют пересервировку столов на ланч или обед, а то и вовсе закрываются. Теперь я не только из теории знаю, что биологическое и социальное время это объективная реальность различения людей и их культур.

Аналогичные различия присущи и *социальному пространству*. Группа российских социологов, в составе которой был и я, неформально возглавляемая президентом РОС В. А. Мансуровым, прибыла из токийского аэропорта на железнодорожный вокзал Йокогамы. Первый вопрос, который встал перед нами, как добраться до конгресс-центра, где должен был состояться наш форум и где традиционно, практически в режиме нон-стоп проходят подобного рода мероприятия. Кто-то из коллег заблаговременно, еще в России, вооружился картой местности, которая свидетельствовала, что мы совсем рядом. Естественно, нужно было лишь немного уточнить наш путь. Однако для ориентации в новом пространстве потребовался настоящий социологический опрос, добро, были специалисты, которые могли провести его со знанием дела. Респондентами выступили японцы средних лет, естественно, постоянно проживающие в Йокогаме. Речь шла о *двух культурных центрах* города: вокзале, с которого также отправляются экскурсионные автобусы, и главной площадке проведения всевозможных международных форумов. Характерная реакция – остановка, вежливый ответ, раздумье, быстрое обращение к компьютеру-телефону, после чего: «Идите вот так» (соответствующий жест руки в сторону водного канала, через который вблизи нет моста); «Возьмите такси»; «Я всю жизнь живу здесь, но езжу туда только на такси». Кое-кто из нас уже высказывался за такси, но Валерий Андреевич, путешествовавший налегке с одной сумкой, был непреклонен. В итоге мы добрались пешком за 12–15 мин, руководствуясь ориентиром «туда», картой, просто интуицией, интервьюированием респондентов через каждые 300–500 м, получая аналогичные рекомендации: «Идите, ориентируясь на то здание». По пути почти каждый поведал о собственном жизненном примере того, что пространство культурно конструируется, по-разному воспринимается, а потому оно *различно*.

Однако есть реалии, в которых трудно провести грань между неравенствами и различиями. Пример тому – идентификации людей в глобо-локальных отношениях. На эту тему представил доклад Кусеин Исаев, президент Социологической ассоциации Киргизии, традиционно принимающий участие во всемирных и европейских социологических конгрессах.

12. *Неравенства, не включенные в программу, но обсуждаемые кулуарно.* Российские участники зачастую спрашивали друг друга, когда же на подобных форумах появятся книги, написанные нашими учеными. Их отсутствие искусственно занижает ту роль, которую играют российские социологи в развитии мировой социологической мысли, ставят нас в неравное положение по отношению к коллегам, с которыми мы сотрудничаем и ведем научные дискуссии. Иногда ссылаются на трудности перевода. На мой взгляд, аргументы неубедительны. Ведь вышли же в свет книги «Японская социологическая теория», «Корейская социология». Весьма много книжной продукции социологов из Австралии и Африки, стран, которых я бы отнес к «социологически развивающимся», но уже выходящим со своими книгами на мировой социологический рынок. Полностью разделяю мнение профессора Ю. Г. Волкова о том, что у нас есть десятки весьма достойных индивидуальных и коллективных работ, что уже к конгрессу мы могли бы, к примеру, издать на английском языке монографию «Новые идеи в социологии» (отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2013). Нужно лишь адаптировать научный аппарат к требованиям зарубежного читателя. И, разумеется, нужна политическая воля.

В силу определенных границ статьи, просто обозначу еще три группы неравенств.

13. *Новые религиозные неравенства.* На сессиях комитета «Социология религии», в частности, анализировались проблемы противоречий между мировыми религиями и новыми формами религиозной организации, а также «позитивным атеизмом».

14. *Неравенства в сфере новых брачных отношений и детства.* Лишь один пример: движение за равноправие гомосексуальных супружеских пар явно и латентно ущемляет права усыновленных детей, которых, как правило, никто не спрашивает о желании на альтернативную социализацию, при этом возникает неравенство по отношению к детям из традиционных семей.

15. *Неравенства, обусловленные космополитизацией.* У. Бек, выступивший с докладом «Мы живем не в эру космополитизма, а в эру космополитизации», показал, что современный процесс принципиально отличен от прежнего философского космополитизма с его гуманистическим пафосом. Под влиянием *реальной* космополитизации возникают новые сложные неравенства, которые практически выходят из-под контроля национальных государств, такие как последствия климатических изменений, распространения синдрома приобретенного иммунодефицита, современный терроризм.

Отмеченные, равно как и другие неравенства нынешнего глобального мира, конечно, явились вызовом современному социологическому знанию. Очевидно, нужна *инновационная социология нового интегрального типа*. У. Бек ратует за «космополитическую социологию»²¹, по его мнению, позволяющую анализировать реалии мирового общества риска. Дж. Ури высказался за реализацию сразу трех поворотов в социологии: сложности, мобильности, ресурсности, в итоге выступая за «посткарбонную социологию»²². М. Буравой, учитывая нынешнюю социальную и природную турбулентность, в частности разрушительное цунами 2011 г., обрушившееся на страну – хозяйку конгресса, последовавшую ядерную катастрофу, многочисленные подобные катаклизмы во всех регионах мира, высказался за метапарадигмального толка «социологию бедствий, которая не только об обществе, но также для общества»²³. В «Посланиях миру», подготовленным Японским консорциумом социологических обществ, говорится, что ныне востребована «глобальная, наднациональная социология»²⁴.

Мне особенно симпатичны мысли о перспективах мировой социологии, высказанные Коичи Хасегавой, руководителем японского организационного комитета конгресса. Опираясь на идеи Г. Зиммеля о том, что мост представляет собой не только сооружение, соединяющее берега реки или чего-либо, но и нашу волю к связи, японский социолог ратует за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, моло-

дое и старое, природу и общество, соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира»²⁵. Такое видение перспектив социологии, несомненно, потребует развитие сетевых взаимоотношений с другими социальными и даже естественными науками. Об этом речь шла на ряде сессий, в частности «Роль социологии во взаимодействии с другими социальными науками». Мне думается, эту интеграционную тенденцию может и должен усилить союз социологии с представителями гуманитарного знания. В дополнение к сделанным предложениям, необходим гуманистический поворот в социологии²⁶, что находится в русле лучших традиций нашей российской социологии (М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин), соответственно, нужны адекватные новые социологическое теоретизирование и социологическое воображение. Также важно учесть, что глобальная, космополитическая или наднациональная социология, по существу, будут так или иначе вбирать в себя лучшие достижения национальных социологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998.
- ² См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина. СПб., 2001.
- ³ См.: Валлерстайн И. Изобретения реальностей Времени – Пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001.
- ⁴ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
- ⁵ Sosa R. Welcome from ISA Vice-President for the Congress Program // XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, 13–19 July 2014). Yokohama, 2014.
- ⁶ См.: Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge, 2009. P. 99.
- ⁷ Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Sage, 2013. P. 139.
- ⁸ Beck U. Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequality in a Globalizing World // British Journal of Sociology. 2007. Vol. 58. № 4.
- ⁹ Beck U. World at Risk. 2010. P. 9.
- ¹⁰ Ibid. P. 10.
- ¹¹ Ibid. P. 52.
- ¹² Ibid. P. 11.
- ¹³ Ibid. P. 33.
- ¹⁴ Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton, 1999. P. 5.
- ¹⁵ Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, 2011. P. 22.
- ¹⁶ Ibid. P. 33.
- ¹⁷ См.: Hannigan J. Environmental Sociology. London – New York, 2014.
- ¹⁸ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Oxford, 2010. P. 161.
- ¹⁹ См.: Burawoy M. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, 13–19 July 2014). Yokohama, 2014. P. 9.
- ²⁰ См.: Merton R. K. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. № 159.
- ²¹ См.: Beck U. Op. cit. P. 80.
- ²² Urry John. Climate Change and Society. Cambridge, 2011. P. 16.
- ²³ Burawoy M. Op. cit. P. 9.
- ²⁴ Messages to the World // XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, July 2014). Yokohama, 2014.
- ²⁵ Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, 13–19 July 2014). Yokohama, 2014.
- ²⁶ См.: Кравченко С. А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1.

**С. А. Кравченко,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России**